

Невыученные уроки:

Размышления о фильме отца Тихона (Шевкунова)

[Бурега В. В.](#)

Когда я смотрел фильм отца Тихона, то не мог отделаться от ощущения, что нечто подобное уже видел. Довольно быстро я понял, что мне напоминает эта лента. Напоминает она голливудское историческое кино. Очень похоже. Похожим было, увы, и чувство внутреннего неприятия, возникшее при просмотре.

История как пропаганда

В голливудских фильмах на исторические темы прошлое используется лишь как метод пропаганды правильного понимания современности. Поэтому исторические события здесь преподносятся особым образом. За примерами далеко ходить не надо. Вспомним хотя бы "Гладиатор" Ридли Скотта (Великобритания – США, 2000). Главный герой фильма (актер Рассел Кроу) мало похож на жителя Древнего Рима. Это идеал современного западного человека. Он – борец за демократические ценности (в их современной западной трактовке), противник монархического деспотизма. Другой показательный пример – нашумевший фильм Вольфганга Петерсена "Троя" (Великобритания – Мальта – США, 2004). Он вышел в свет в разгар Иракской кампании. И потому сюжет скорее рождал у зрителей весьма неслучайные ассоциации с современностью, нежели оживлял в памяти Гомеровские тексты. Так что американское (и не только) историческое кино почти всегда представляет зрителю лишь отчасти связанные с историей идеологические конструкции. При этом пропагандистский эффект таких картин, как правило, весьма значителен. Ведь немалая часть обывателей (и в России, и на Западе) формирует сегодня свои представления об историческом прошлом, главным образом, на основании художественных фильмов. В сравнении с этим "самым важным из искусств" меркнут не только школьные учебники, но и исторические романы.

Главный принцип пропагандистского кино достаточно прост. Посредством исторического сюжета зрителю сообщается какая-либо важная для создателей фильма (или их заказчиков) идея (или как нынче принято говорить – важный message, послание). Послание это содержит в себе определенное осмысление современности и нацелено на формирование в зрителе вполне конкретной позиции (мировоззренческой, политической, социальной и т.п.) Чтобы пропаганда достигла цели, необходимо, чтобы, с одной стороны, пропагандируемая идея формулировалась в ясной, четкой, а главное – привлекательной форме, а во-вторых, чтобы она была устойчива по отношению к критике.

Одна из центральных проблем пропагандистских технологий – соблюдение правильного баланса между простотой изложения и защищенностью от возможной

критики. Усиление защищенности, как правило, усложняет повествование и потому может повлечь за собой утрату общедоступности. Если же увлечься простотой изложения, то пропагандируемые тезисы могут стать легко уязвимыми для критиков.

Форма "исторического кино" весьма удобна, почти идеальна для сохранения в пропаганде этого правильного баланса. Во-первых, кино с легкостью решает задачу простоты и популярности повествования. Во-вторых, фильм создает вокруг пропагандируемых идей привлекательный художественный фон. В-третьих, "историческое кино" прямо не говорит о современности. Оно отсылает зрителя к прошлому (порой весьма далекому), которое ему мало знакомо. При этом в повествовании четко расставляются нужные акценты.

Создатели качественного пропагандистского кино всегда заботятся о точности в изложении исторических фактов, дабы заранее обезоружить критиков. Но это несколько не вредит агитационным целям. Ведь message содержится не в фактах, а в их интерпретации. Не в тексте, а в контексте. Контекст же, как известно, рождается на стыке фактов друг с другом. И с этой точки зрения различие, которое обычно проводят между игровым и так называемым документальным (точнее было бы сказать неигровым) кино, весьма условно. По меткому замечанию Отара Иоселиани, фильм, в котором есть хоть одна монтажная склейка, уже не является документальным (даже если он при этом неигровой). Как только режиссер соединил два отснятых эпизода в определенной последовательности, он уже вложил в киноповествование лежащую вне его (повествования) идею. Однако это не значит, что кино – это всегда пропаганда. Демонстрировать идеи – еще не значит их пропагандировать.

Миссия или агитация?

После этого небольшого теоретического отступления можно обратить взор на фильм "Гибель империи: Византийский урок". Перед нами, несомненно, пропагандистская картина. Цель ее вовсе не в том, чтобы рассказать зрителю об истории падения Византийской империи. Автор говорит о современности. Он дает оценку событиям, происходившим за последние 15-20 лет в России и на постсоветском пространстве. Вполне очевидно, что зрителю предлагается более или менее целостный идеологический набор. Вот лишь некоторые его компоненты: апология империи как типа государственного устройства, критика западной цивилизации, ущербной "на генетическом уровне", утверждение необходимости государственного регулирования экономики, опасность национальных идеологий для сохранения целостности империи. Список можно было бы продолжить.

То, что предлагаемый зрителям фильм не является научно-исследовательским, признает и сам автор. Однако, на мой взгляд, на экране представлена чрезмерно упрощенная картина прошлого, которая не всегда стыкуется с данными современной исторической науки. Приведем лишь один пример. В фильме особое внимание уделено истории четвертого крестового похода и взятию Константинополя крестоносцами в 1204 году. Автор утверждает, что виновниками разграбления Константинополя были венецианцы, направившие крестоносцев на столицу Восточной империи. Однако среди историков до сих пор нет единого мнения о том, кто именно был инициатором изменения направления похода (изначально предполагалось, что крестоносцы отправятся в Египет). Существует как минимум три версии событий 1204 года. Одна из них озвучена в фильме.

Две другие не упомянуты. Вполне очевидно, что для концепции фильма наиболее подходящей была версия, обвиняющая венецианцев. Лишь она дает возможность утверждать изначальную (генетически запрограммированную?) ненависть Запада к восточно-христианской цивилизации. Совершенно очевидно, что нам предлагается идеологическая конструкция, а не исторические факты сами по себе.

Есть в фильме и куда более прямолинейные пропагандистские приемы. Например, когда автор повествует о болгарах и сербах, которые якобы по наущению Запада не оказали Византии военную помощь при нашествии турок (в конце XIV – первой половине XV веков), мы слышим следующий текст: "Были спровоцированы несколько настоящих революций. И, наконец, при помощи экономических и военных рычагов Запад настоял на отделении сербов и болгар от Византии и присоединении их к объединенной латинской Европе". При этом на экране идет игровая сцена драки на средневековом рынке, во время которой рассыпается несколько корзин с апельсинами. Зачинщик драки в черном плаще и в маске лукаво надкусывает апельсин. Затем мы видим карту Европы, на которой территория Сербского и Болгарского государств сначала выделяется оранжевым цветом, а затем Болгария окрашивается в желтый цвет, а Сербия – в синий. Вполне очевидно, что нам показывают украинскую оранжевую революцию. При этом message о ее пагубности буквально вдалбливается в головы зрителей. Мало того, что кадр изобилует оранжевым цветом, средневековые Сербия и Болгария еще и оказываются окрашенными в цвета украинского национального флага. Наличествующий в цитированном тексте пассаж о некой "объединенной латинской Европе" имеет весьма условное отношение к реалиям XIV-XV веков. Речь, конечно же, идет о современной объединенной Европе, которая, по мнению автора, заставила украинцев ("при помощи экономических и военных рычагов") заявить о своем стремлении к европейской интеграции.

Сказанного вполне достаточно, чтобы обосновать проведенную выше аналогию между фильмом отца Тихона и западным историческим кино. Зрителю предложен откровенно пропагандистский продукт. Критикуя Запад, автор активно использует классические методы западной же пропаганды. Но при этом "Гибель империи" явно уступает западным образцам. Фильм полон чрезмерно навязчивой агитации, которая лишь отталкивает думающую аудиторию.

Любая кинопропаганда исходит из представления о зрителе, как о разумной массе, которой необходимо внушить те или иные идеи. На просмотре фильма "Гибель империи" я почувствовал, что попал под достаточно мощный агитационный пресс. Обидно и больно было осознавать, что в очередной раз за скобки вынесли не только историческую реальность в ее уникальном живом потоке, но и человека, свободно определяющегося в этой реальности. И дело здесь не в достоинстве пропагандируемых в фильме идей, а в используемых режиссером методах. Попытки оправдать их использование миссионерскими целями едва ли можно признать состоятельными. Ведь, как ни крути, а пропаганда всегда исходит из стремления ограничить богодарованную человеческую свободу, из стремления подчинить человека с целью последующей манипуляции им. Идеология всегда связана с вопросом власти. Евангелие же – это не идеология. И христианская миссия – не пропаганда. К сожалению, этот урок мы, похоже, еще не выучили.

[Богослов.ру](http://bogoslav.ru)

<http://kiev-orthodox.org:80/site/faithculture/1722/>